

**Письмо Л. В. Коноплевой от 15-16 января 1922 г. к секретарю Президиума ВЦИК,
секретарю ЦК РКП (б) Л.П. Серебрякову.**

Дорогой, Леонид Петрович!

Предлагаемое заявление, доклад и пр. попрошу Вас передать в Ц.К. Р.К.П. Мне хочется немного поговорить с Вами, поделиться своими мыслями. Весь 1919 г. был годом ломки моего старого идеологического мировоззрения. И результат был тот, что и по взглядам своим, и по работе, фактически я сделалась коммунисткой, но организационное вхождение в Р.К.П. считала невозможным, благодаря своему прошлому. Еще будучи в п. с-р, и позже – в группе «народ», я считала, что долг наш – мой и Семенова, во имя справедливости открыть те страницы в истории п. с-р, скрытые от широких масс – Интернационалу, что Интернационал должен знать все темные, все скрытые страницы тактики партии в последнюю Революцию. Но как это сделать, я не знала. Вопрос этот, связанный с тяжелым личным состоянием, стал перед вхождением моим в Р.К.П. С одной стороны, я чувствовала, сознавала, что не имею морального права войти в партию, перед которой имею столько тяжелых грехов, не сказав ей о них; с другой стороны, считала, что открыть его, не указав фактического положения вещей, связи в прошлой работе в п. с-р, персонально ряда лиц, я не могла – слишком все было связано одно с другим. Это же считала неприемлемым со стороны моральной – попросту говоря, предательством старых товарищей по работе. Насколько было приемлемо для меня сообщение о прошлом Интернационалу – объективному судье, настолько неприемлемо Центральному Комитету или иному органу Р.К.П. Политическая партия не судья другой партии; они обе стороны заинтересованные, а не беспристрастные судьи. Таково было мое убеждение.

Перед вступлением в Р.К.П., я вам говорила не раз, что прошлое мешает войти. Но я решила перешагнуть через прошлое и в партию вошла, имея на мысли дальнейшей работой хоть немного покрыть прошлое, свои ошибки и преступления перед Революцией. Приехав за границу, читая с-р. орган «Воля России», старое воскресло с новой силой. Эта травля русской революции, коммунистической партии, которую вели и ведут здесь с-ры, раздувая и крича об ошибках Р.К.П., стараясь восстановить против нас зап.-европейский пролетариат, крича об ужасах Ч.К. и красного террора – зародили мысль о необходимости во имя Революции и партии раскрыть перед пролетариатом и русским, и международным истинное лицо п.с-р, её тактику, её преступления перед Революцией. И тут передо мной, в частности, встала тяжелая дилемма: с одной стороны – интересов Революции, с другой – определенное сознание о недопустимости с моральной точки зрения.

Я знаю, что всё, что в интересах Революции, – допустимо и оправдываемо. Интересы Революции – наша правда, наша мораль. И когда мы с Семеновым, перед отъездом его в Россию, обсуждали этот вопрос, то так решили оба – если интересы Революции требуют, то мы должны, обязаны сделать, хотя бы с точки зрения человеческой морали это было неприемлемо. Он поехал в Россию и должен был там выяснить обстановку (т.к. у нас была мысль, что, может быть, мы слишком односторонне смотрим, (сгущаем - зачеркнуто) преувеличиваем значение п. с-р, начитавшись «Воли России») и необходимость оглашения, и по возвращении его, мы, в зависимости от результатов поездки, выступаем совместно. Когда он вернулся, мы не имели возможности совместно выступить, т.к. находились по роду работы в разных местах, не имея возможности ни увидеться, ни списаться. Он подал заявление один, и позже, когда представилась возможность, уведомил меня. Теперь я делаю то же самое, сознавая, что должна это сделать во имя Революции и в то же время сознаю, что с моей моралью, с моим внутренним «я» этот поступок несовместим. Как за террористическим актом должна последовать физическая смерть исполнителя, так за этим актом – моральная смерть. А может быть, смерть старой морали? Этого я еще не знаю. Всё может быть. Одно только знаю – во имя интересов Революции должно быть сделано всё. Должна добавить вот еще что. Я задавала себе вопрос, старалась проверить себя – что

может быть потому так тяжело, так мучительно подавать мне заявление ЦК, что у меня осталось что-то общее с с-рами, какая-то связь. На это ответила себе, отвечаю и Вам – нет. Ничего не осталось. Как они являются врагами Революции, врагами Р.К.П. – так они и мои враги. И сейчас в работе, с момента как мы находимся в противоположных лагерях, все методы борьбы допустимы.

Но когда я подхожу к вопросу о прежней работе, когда была идейно с ними заодно, пользовалась неограниченным доверием и использую тот период теперь для борьбы с ними – я определенно сознаю, что делаю поступок недостойный революционера.

Не знаю, правильно ли Вы поймете меня. Приведу пример: предположите на момент, что Вы, пробывший в Р.К.П. столько лет, перешли в какую-то иную партию Х. И, в интересах Революции, Вы должны были сделать то же, что делаем мы с Семеновым, т.е. раскрыть той Х партии что-то неизвестное о Р.К.П.

Я всё это говорю для того, чтобы указать, что есть какая-то грань, что-то такое в душе человеческой, переступая через которое человек болезненно мучительно ощущает, что он теряет что-то хорошее, светлое, что должно быть в каждом.

Тяжело и больно, но должно быть сделано для Революции, и Революции нет никакого дела до отдельных индивидуумов.

Дорогой, Леонид Петрович, не знаю, разберетесь ли Вы в моем писании. Просто хотелось поговорить с Вами, вспомнить наши товарищеские отношения. Я тут совсем одна. Путалась и разбиралась в этом вопросе и, откровенно говоря, совсем запуталась в морали.

Мне бы очень хотелось, чтобы Вы мне написали. Если податель этого письма поедет обратно, то напишите с ним; если нет, то пошлите письмо на Ник. Никол. Кр. С просьбой переслать Грише. А тот мне пошлет. Очень бы хотела получить от Вас весточку.

Напишите про себя, как живете, как здоровье, где работаете.

Всего всего лучшего.

15.01.22 г. Лида.

P.S. И знаете, что мучит меня, – это мысль «хорошо, с-ры скажут – она предала своих прежних товарищей по партии, но где же гарантия, что она и вас не предаст». То, что скажут с-ры, неважно для меня – самый переход в Р.К.П. по их терминологии есть измена и предательство Революции. Но мнение товарищей по Р.К.П. для меня нужно. И тут стоит неразрешимый вопрос – принципиальный – допустимо ли с точки зрения революционной этики при переходе из одной партии в другую разоблачать тайны старой партии. И тут боюсь, и не могу выбиться из заколдованного круга. Если это делается во имя Революции, – то да, должно быть сделано, имеет свое оправдание – и морально и этично. И в то же время с сознанием, что ты обязан и должен это сделать во имя Революции, как революционер выступает просто человек, которому душевно, морально тяжело, а может быть и не под силу такой акт. Все это я Вам пишу, как товарищу, мнение которого я ценю и уважаю, и как человек человеку. Еще раз повторяю, что у меня нет ни тени сомнения и колебания в том, что это я должна и обязана, внутренне обязана, сделать для Революции, но как совместить это с моралью и этикой – не знаю, не умею. И боюсь.

Простите за такое сумбурное письмо и напишите мне.

16.01.22 г.

Лида.